

УДК 330
ББК 65.01
К21

Кара-Мурза, Сергей Георгиевич.

К21

Политэкономия индустриализма: мифы и реальность / Сергей Кара-Мурза. — Москва : Родина, 2018. — 272 с.

ISBN 978-5-907024-99-1

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, ведущий российский специалист в области обществоведения, социолог и политолог, всегда уделял политэкономии особое внимание в своих работах. Результаты его исследований сведены в новую книгу «Политэкономия индустриализма»: в ней экономическая модель современного мира соотносится с ценностями и идеалами западного и российского обществ.

Свою задачу С.Г. Кара-Мурза видит в том, чтобы «исследовать основания тех утверждений, к которым мы привыкаем из-за идеологической обработки в школе и средствах массовой информации. И окажется, что многие вещи, которые мы воспринимаем как естественные, вовсе не являются ни фактами, ни данным свыше откровением...».

**УДК 330
ББК 65.01**

ISBN 978-5-907024-99-1

© Кара-Мурза С.Г., 2018
© ООО «Издательство Родина», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

**ПОЛИТЭКОНОМИЯ ИНДУСТРИАЛИЗМА:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Редактор *О. В. Селин*
Художник *Б. Б. Протопопов*

Смотрите книжные новинки на сайте <https://Rodina-izdat.ru>

ООО «Издательство Родина»

Оптовая торговля:
ООО «Издательство Родина» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: Rodina-izdat.ru
Электронная почта: Rodina.pbl@gmail.com

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 29.03.2018.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-907024-99-1

9 785907 024991 >

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Хозяйство и этнос	22
«Исправление имен»	43
Политэкономия Адама Смита	53
Политэкономия и империализм	97
Политэкономия Маркса	114
Хозяйство Российской империи	188
Политэкономия в 1917 году	239
Литература	262

ВВЕДЕНИЕ

Все мы, с детского возраста, участвуем в *хозяйственной деятельности* и постоянно думаем о ней — и непроизвольно, и обдумывая какую-то житейскую проблему или принимая решение. Хозяйство (*экономика*) — один из важнейших «срезов» нашей жизни и жизнеустройства всего народа. Нетрудно представить, что хозяйство «пропитывает» все наши формы деятельности и почти все человеческие отношения. Даже новорожденный младенец кричит матери, чтобы она дала ему пищу. У него еще работают инстинкты, но уже через полгода подключается культура, быстро расширяется его система потребностей, и он подает знаки близким людям.

Первые люди с зачатками языка и разума развивались очень быстро, и инстинкты влияли на социальную природу и общественный порядок человека. Так возникли первые *институты* (точнее, *протоинституты*) — нормы и запреты. Почти все они были связаны с хозяйственной деятельностью, отношениями и поведением людей в этой сфере. Позже разум и культура отослали инстинкты на дно сознания, хотя многие ученые считают, что из глубины инстинкты подают свой голос¹.

Не трудно видеть, что в хозяйстве сочетаются все элементы культуры — представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной трудовой деятельности, технологические знания и умения, красота и мерзость.

---

¹ Т. Веблен считал, что поведение хозяйствующего субъекта определяется не расчетами, а инстинктами и институтами, определяющими средства достижения целей. Так, у Веблена привычки являются одним из институтов.

С самого начала существования рода и племени люди с детства осваивали нормы и запреты хозяйственной деятельности своего этноса. С развитием человечества и его хозяйства представления о хозяйственной деятельности, правилах и запретах, о добре и зле, о привычках и открытиях становились все более изощренными и разнообразными. Они были важной частью политики и войны, философии и искусства, пронизывали духовную сферу человека. Этот срез человеческого бытия непрерывно действует и ведет людей, воздействуя и на разум, чувства и воображение. Это особая сторона мировоззрения и мироощущения. Как сказал Хайдеггер, «человеческая масса чеканит себя по типу, определенному ее мировоззрением».

И в то же время, люди редко задумываются об этой сфере, а только реагируют на частные события — радостные или неприятные. Когда состояние хозяйства благополучное, то это воспринимают как хорошую погоду, когда неурядицы — как непогоду или бурю. Хотя, если задуматься, эти бури и кризисы возникают в обществе — своим или чужим. И главное, очень часто эти кризисы возникают из-за того, что слишком большая часть общества не думала о своем народном хозяйстве, не изучала его и не замечала, что оно *заболело* — по ошибке, по халатности общества или вызрел нарыв конфликта с общностью диссидентов.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в тяжелые времена написал: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, — наивная иллюзия. История — это арена, полная жестокостей, и многие расы как независимые целостности сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить — значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации» [64].

Сейчас мы переживаем смутные времена, и многие наши люди задумались: как развивалось наше хозяйство, как оно было устроено и как ему относилось общество, в чем мы ошиблись и не поняли, что происходит в хозяйст-

ве, что нас ждет впереди и в чем мы должны измениться — или, наоборот, укрепиться. Нам придется учиться и думать. Видно, что будет трудно, мы долго были беззаботны.

Начнем распутывать клубок с самых верхних ниток, а дальше, надеемся, начнут нам помогать честные и умные ученые. Первая ниточка нас ведет к факту, который даже многие ученые отрицают или стараются о нем не говорить. Этот факт в том, что любое народное хозяйство — это одна из главных ипостасей *национальной культуры*. А национальные культуры *различны*, хотя все они непрерывно обмениваются людьми, идеями, вещами. Поэтому над каждым народом клубится покров из нитей связей хозяйства и людей.

В 1966 г. в США вышел большой труд антрополога Р.Э. Сервиса «Охотники» — об изучении оставшихся на Земле «примитивных» людей, живущих общинами племен и народов. Как-то он получил от эскимоса кусок мяса и поблагодарил его. Охотник огорчился, а старик-эскимос объяснил ученому: «Нельзя благодарить за мясо. Каждый имеет право получить кусок». Сервис пишет, что в общинах нельзя и даже неприлично благодарить за пищу — этим ты как бы допускаешь саму возможность не поделиться куском, что нелепо и противно. Этнографы подчеркивают, что в общине право на пищу — это абсолютное (естественное) право. Поэтому голод в ней возможен лишь как следствие природной или политической катастрофы — засуха, война, «великие переломы» [6].

Шаманы, жрецы, прорицатели создавали мифы и предания, в разных формах представлялись нормы нормы и отношения их племени. Государство создает и контролирует институты и законы. Ученые пишут трактаты и учебники, поэты — поэмы.

Вспомним итальянского купца Марко Поло, который почти всю жизнь пропутешествовал в созданной при Чингисхане империи (в том числе и на Руси). Почитаем сегодня эти свидетельства середины XIII века:

«Когда великий государь знает, что хлеба много и он дешев, то приказывает закупить его многое множество и

ссыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился год три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и черное просо, и всякий другой хлеб; все это собирает во множестве. Случится нехватка хлеба, и поднимется он в цене, тогда великий государь выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продается за бизант, за ту же цену он дает четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он дается и у всякого его вдоволь. Так-то великий государь заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует» [7].

Таким образом, от примитивных этносов до современных государств и наций, хозяйственная деятельность направляется и контролируется властью и признанными населением институтами (в периоды стабильности). Чтобы власти и общественные институты могли выполнять свои функции, создаются кодексы и катехизисы, а позже — теории и идеологии.

До недавнего времени огромную роль в этом играла церковь. Например, хотя Православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как небогоугодное устройство. Красноречивый пример — перевод архиепископом Василием (Кривошеиным) поучений преподобного Симеона Нового Богослова (949-1022). Вот что говорит пр. Симеон в Девятом «Огласительном слове»:

«Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница

утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было».

В другом месте Девятого «Слова» осуждение частной собственности носит еще более резкий характер: «Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать»¹.

А Реформация церкви в Западной Европе переросла в революцию не только религиозную, но и культурную и социальную. Одним из ее результатов была *политическая экономия* (обыденно, *политэкономия*). Это было учение, которое отодвинуло церковь и задало новые рамки отношений людей и их ценностей. Название *политэкономия* очень понравилось, оно было свежим и необычным, от нее веяло истиной, наукой и властью. Это учение снижало авторитет нового типа, неофиты это любят. В реальности, строго говоря, политэкономией была система, которую разрабатывали в Англии и меньше во Франции. Их парадигма и стала *классической политэкономией*. Разумеется, в каждой стране существовал свод понятий и норм, которые объясняли явления и процессы в хозяйственной деятельности. Все эти своды и трактаты сложны и различ-

---

¹ Впервые опубликован в 1961 г. в «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 38-39. Терминология перевода кажется слишком осовремененной (например, «частная собственность»), однако автор перевода приводит греческие слова оригинала и доказывает, что именно эти, кажущиеся современными нам, термины являются наиболее адекватными.

ны, но, тем не менее, некоторые назвались политэкономией. Здесь нам не требуется излагать и глубоко изучать национальные учения и своды, для нас нужны ключевые постулаты и основы из учений, которые освещают важные различия картин хозяйства и отношений людей и систем в сфере экономики.

Например, Вебер указал на важный экзистенциальный элемент кальвинизма: «Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме — вечном блаженстве — он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе» [8, с. 142].

А в томе «Россия» фундаментальной энциклопедии «Всемирная история» (она стоит почти во всех западных школах) читаем: «В идеологии Восточной церкви община верующих сыграла гораздо большую роль, чем роль индивидуума, ответственного только перед Богом, и с этой традицией связаны не только славянофилы XIX века, но также, косвенно, русские социалисты и марксисты, заявившие о важности коллективизма»

Мы плохо знаем трактаты, которые представляют нормы и запреты хозяйства незападных цивилизаций — старых, да и нынешних. А в Европе в начале зарождения современного капитализма стала быстро развиваться экономическая мысль. В Новое время, после Научной революции, а после и революций — Буржуазных и Промышленной, — резко усложнились общества, культуры, и в том числе, экономические системы. Возникли профессиональные учения и теории, которые использовали приемы и подходы науки, математику и свой «закрытый» язык. Основная масса населения осваивает логику хозяйства своей страны, своего слоя или сектора, опираясь на здравый смысл, житейский опыт и метод проб и ошибок.

В 1615 г. был опубликован «Трактат политической экономии»¹. Так экономическая наука стала называться *политической экономией*.

Здесь стоит сказать, что название политэкономии экономическая наука — условный ярлык. В XVII веке наукой стали называть способ беспристрастного, объективного познания. Политическая основа той картины, которую рисует политэкономия, нагружена идеологией и ценностями господствующих общностей. Именно они определяют, какие трактаты, рассуждения и законы соединяются в систему, которая считается *правильной политэкономией*. Еретики, недовольные, бедные — вырабатывают свои «катакомбные» политэкономии. Когда они набирают силу, начинается борьба разных систем — иногда посредством гражданской войны, чаще элита идет на небольшие уступки, политэкономия немного подправляется. Эту сторону нашей темы надо учитывать.

Но возвращаемся к началу. В XV—XVI вв. возникли учения и сообщества интеллектуалов, организация и литература. Это были первые протонаучные школы. Первой считается *меркантилизм*. Их сообщество разрабатывали и обсуждали способы накопления денег (в основном, посредством торговли, кредита и война). Считается, что меркантилисты предложили систему *денежного баланса*, концепцию *политики протекционизма*, а в середине XVII в. систему *торгового баланса*.

Во Франции в середине XVIII в. была основана школа *физиократов*, которая считала истинными источниками богатства природу (сельского хозяйства и др.). Они предложили перевести земледелие в формы капиталистического производства: крупное предприятие фермера и наемные рабочие. Физиократы выступали за полную свободу предпринимателей, промышленников, фермеров и рабочих. Они считали *«естественным порядком»*. В отношении

---

¹ Автором был драматург и знаток античных языков и литературы, Антуан де Монкретьен. Будучи в Англии он, католик, пришел к идеям кальвинизма. Он и предложил термин *политическая экономия*.

к государству физиократы противопоставляли себя меркантилистам. Обе эти школы вместе заложили важные части фундамента политэкономии.

В конце XVII в. сложилась школа, которая получила название *классической политэкономии*. Эта школа была уже сосредоточена не на обращении, а на производстве. Уильям Петти (участник «невидимой коллегии», кружка ученых в Оксфорде, который указом короля в 1662 г. был преобразован в Королевское общество) утверждал, что образование богатства происходит не в торговле и не в природе, а в производстве, двигателем которого *труд*.

Петти получил подряд на обмер и оценку земель в Ирландии для их экспроприации и наделения участками солдат армии Кромвеля. Он искал индикаторы и критерии, чтобы солдаты получили одинаковые по ценности участки земли. В результате, на участке выращивали траву и взвешивали скошенное сено. Его вес был «внутренней ценностью» земли, а затем надо было заплатить работникам и за перевоз на рынок и продать сено (так высчитывали «открытую ценность» — рентабельность участка).

Этот труд имел большой успех среди капиталистов. Формулу Петти «Труд — отец богатства, а земля — его мать» повторяли больше века. Локк считал, что по самым скромным подсчетам доля труда в полезности продуктов составляет 9/10, а в большинстве случаев 99 процентов затрат.

Так была создана *трудовая теория стоимости*, фундаментальный блок политэкономии. Позже А. Смит превратил политэкономия в науку о законах экономики, согласно доминирующим представлениям о хозяйстве в культуре Англии.

Возникновение и развитие современного капитализма произвели тектонические изменения в народном хозяйстве в Западной Европе, а затем в колониях и во все странах, которые старались сохраниться в ходе экспансии Запада. Эти страны были вынуждены создавать собственную тяжелую промышленность, свои армию и флот, изучать и западные институты, учреждения — на своей культурной почве. Государствам, купцам и образованным сословиям надо

было иметь представления о хозяйстве стран, с которыми были отношения. Во время потрясений и сдвигов в нарождающемся капитализме соседям было необходимо понимать новые приемы механизмы и торговли и передвижений товаров и денег. Эти процессы надо было «видеть и чувствовать», изучать признаки и следы этих процессов, цели и последствия их действий.

В истории был драматический период: Испания, включенная в интенсивный процесс *монетаризма*, но «открытая» европейскому рынку, ввозила из Америки огромную массу золота и серебра — и непрерывно беднела, ибо это золото и серебро уплывало в Англию, созревшую для монетаризма и имеющую политэкономия, которую в других странах не понимали.

Тенденции традиций, привычек и решений в экономической деятельности обычно соединяются в речам и диалога, литературе, трактатов и книг ученых. Сгустки этих смыслов становятся тем, что называют (или называли) политэкономия. Изменения их смыслы и попытки внедрить их в жизнь для начала можно следить за текстами известных философ и экономистов, таких как А. Смит, Ф. Лист, К. Маркс, Дж.М. Кейнс, В. Ойкен и современных авторитетов. Прислушаемся к суждению Кейнса, крупного мыслителя прошлого века. Он сказал: «Идеи экономистов и политических философов, правы они или нет, гораздо более могущественны, чем это обычно осознается. На самом деле вряд ли миром правит что-либо еще. Прагматики, которые верят в свою свободу от интеллектуального влияния, являются обычно рабами нескольких усопших экономистов».

В разных вариациях эта мысль встречается и у многих других мыслителей. Те идеи и утверждения, которые мы изучали в школе и вузе, загоняют наш ум в определенные рамки.

В общем, чтобы овладеть смыслами процессов хозяйственной деятельности, государство и общество любой страны должны были иметь «образы» собственного народного хозяйства и экономики тех стран, с которыми ведутся коммерческие отношения или от них исходят угрозы. Для

этого надо сделать эти образы *видимыми* (в форме текстов и документов, расчетов и схем, карт и таблиц). Эта операция называется *визуализация*. В принципе, эти операции выполняются непрерывно в самых разных формах, большинство об этом и не думает. Но часто приходится помучиться, чтобы найти способ.

Я помню, как в 1960-е годы в химии произошел прорыв в визуализации молекул и их структур. Какой был подъем! Сначала стали доступны образы молекул вещества посредством облучения его электромагнитным полем — ультрафиолетовым и инфракрасным. Получали спектры: один позволяет увидеть связи атомов электронами, а другой — расположение ядер атомов в молекуле. Потом освоили спектроскопию ядерного магнитного резонанса — получили три «портрета» молекулы, сделанные в разном свете и разных ракурсов. Набор таких методов быстро расширялся, счастливое время! Сложные проблемы разрешались быстро, как будто нам помогала магия. Возможность *видеть* предмет исследования в каком-то смысле преобразовала картину мира. И не только в химии, я бы даже сказал, что именно в общественной науке такой подход обладает более широкими возможностями, чем в естественных науках.

Ведь мы научились из всей нашей среды, даже Вселенной, выделять какую-то вещь или явление, назвать их именем и охватить их мышлением как отдельные целостности. Чтобы их мысленно рассмотреть и проникнуть в их сущность, мы на время отодвигаем в сознании другие вещи и явления, концентрируем разум на данном объекте. Но в общественных процессах надо увидеть большую систему с множеством элементов и связей, и очень подвижную.

Почти всегда мы думаем о частичке *хозяйства* — она влияет, в малой или большой мере, на нашу личную жизнь и часто на жизнь народа. Но иногда необходимо задуматься не о частичке, а обо всем калейдоскопе мозаики этих частичек. Например, в тот момент, когда наше народное хозяйство как целостность расчленяется и переделается, а то и уничтожается. Представить себе образ такого хозяйства трудно, но все-таки каждый человек имеет некоторый образ.

Была такая притча. Шестеро слепых изучали слона. Один потрогал ногу и сказал: «Слон — это колонна». Второй схватил за хвост: «Слон — это веревка». Третий потрогал хобот: «Да нет же! Это толстый сук дерева». Так все спорили. Шел мимо мудрец и сказал: «Вы трогали разные части слона, а слон — это все то, о чем вы говорите».

Но все же лучше создавать этот образ, используя инструменты и методы, которые уже были изобретены и опробованы — они экономят время и усилия, а главное, с ними легче обсуждать проблемы с друзьями и скептиками. Например, можно представить «портрет» хозяйства в виде сети или ткани множества *институтов*, которыми покрыта хозяйственная деятельность, включая распределение и потребление. Атомов хозяйства слишком много, и их движение трудно рассмотреть невооруженным глазом, а институты изучают большие сообщества ученых.

Короткое отступление, оно поможет представить *образ хозяйства в политэкономии* (и других подобных инструментов сознания). Вспомним, как изменилась картина мира с появлением постклассической науки, когда нам представили мир элементарных частиц и космологии.

Древние люди (и наши дети) представляют мир как упорядоченное целое, все частицы которого связаны невидимыми нитями, струнами. Это — Космос. Добавляли: с ним воюет Хаос (боги помогают превратить хаос в порядок и вернуть его в Космос). Человек, проникнутый космическим чувством, ощущает единство Бытия, а себя считает обитателем огромного и прекрасного дома. Научная революция представила мир, как машину. Этот образ упорядочил механицизм декартовского рационализма. Становление механистической картины мира, утверждение атомизма и рационализация сознания разрешили задачи идеологии восходящего буржуазного общества и легитимации нового политического порядка. Из этой картины мироздания идеологи английской революции непосредственно выводили естественность конституционной монархии как наилучшей из форм политического порядка. Разрушались иерархические структуры власти, скрепляющие людей солидарностью, основанной на образе жизни, тра-

дициях, религии. Возникло гражданское общество, основанное на индивидуализме людей-«атомов».

Человек же традиционного общества видит мироздание как *Космос* — упорядоченное целое, с каждой частицей которого человек связан мириадами невидимых нитей, струн. Хабермас так излагает разные формы легитимации власти — в новом обществе и в традиционных обществах: «Старые концепции мироздания: мифические, религиозные и философские, — подчиняются логике взаимодействия людей. Они отвечают на фундаментальные вопросы коллективного существования людей и истории жизни отдельной личности. Их темами являются справедливость и свобода, насилие и гнет, счастье и благодарность, болезни и смерть. Их категории — победа и поражение, любовь и ненависть, спасение и приговор» [145].

Космос был дегуманизировал механической картиной мира, но его смысл в одних культурах ужилась с механицизмом, в других восстановили статус Космоса на новом уровне. И. Пригожин писал: «Согласно известной формуле Фрейда, история науки есть история прогрессирующего отчуждения — открытия Галилея продемонстрировали, что человек не является центром планетарной системы, Дарвин показал, что человек — всего лишь одна из многочисленных биологических особей, населяющих землю... Однако [в постклассической науке] представления о реальности предполагают обратное: в мире, основанном на нестабильности и созидательности, человечество опять оказывается в самом центре законов мироздания» [146].

Незападные культуры освоили метод европейской науки, космическое чувство сохранили. Для нас надо освоить навык «видеть» большие сущности, которые покрывают наше жизнеустройство, как политэкономия. Можно сказать стихами Н. Заболоцкого (1936) о чувстве *целостности*:

И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я — и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик
.....